

ДМИТРИЙ СТАХОВ

СВЕТ НОЧИ



Дмитрий Стахов

Свет ночи

«Издательские решения»

Стахов Д.

Свет ночи / Д. Стахов — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-904613-0

...В маленьком провинциальном городке распространяется слух, что недавно умерший и похороненный человек встает из могилы и, словно живой, в свете ночи бродит по улицам. Чтобы разобраться с этим удивительным случаем в городок приезжают психологи, специалисты по экстренным ситуациям.

ISBN 978-5-44-904613-0

© Стахов Д.
© Издательские решения

Содержание

1	6
2	7
3	11
4	12
5	17
6	21
7	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Свет ночи

Дмитрий Стахов

© Дмитрий Стахов, 2018

ISBN 978-5-4490-4613-0

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

1

В приемной Раечка повязывала шарфик: лето было дождливым, холодным, туманным, Раечка поет в хоре, на концерте которого я как-то был, ждал чего-то лирического, оптимистического, скажем – об обретении усталыми людьми светлой жизни, – но хор два часа распевал псалмы на латыни, и мне удалось хорошо поспать. Раечкин нынешний муж еле-еле достает ей до плеча, у него огромный живот – наши сплетницы говорят, что Раечка завязывает ему шнурки, – короткие сильные руки, и он пишет для Раечки диссертацию.

Раечка поставила ногу на стул, подтянула чулок, поправила резинку: полные икры, тонкие щиколотки, кожа над резинкой ослепительно бела. Подтянув второй чулок и опустив подол юбки, Раечка посмотрела на свое отражение в зеркале, промокнула салфеткой ярко накрашенные губы, и наши взгляды встретились.

– Ты неотразима, – сказал я.

– У меня вся тело такая, Антон Романович, – Раечка выставила вперед левое плечо и приотпнула.

– Где все?

– Прорыв плотины: смыло несколько деревень. Взрыв на полигоне: в областном центре ходят в противогазах. Обрушение крыши торгового центра: мелочи, собственно, каких-то полсотни погибших. – Раечка застегнула верхнюю пуговицу на плаще, провела руками по бедрам. – Вы оттуда, где нет Интернета и телевизора? Где это благословенное место?

– Почему?

– Что – «почему»?

– Почему в областном центре все ходят в противогазах?

– Потому что на полигоне уничтожали химическое оружие. Его привезли из какой-то страны, не помню название. То ли на «С», то ли на «Л».

– Ирак?

– Может быть. Знаете, есть собачье противогазы, но не для всех пород, скажем – для французских бульдогов нет, а для немецких овчарок – есть, и они подходят для дворняжек, но вот для котиков противогазов, как и для бульдогов, не предусмотрели. Котиков – жалко. А где ваши очки?

– Для дали уже не ношу.

– Для чего?

– Чтобы смотреть вдаль, Раечка, мне очки уже не нужны. Возраст. Годы берут свое.

– А вблизи?

– А вблизи всё давно кажется одинаковым.

Раечка подхватывает сумку, толкая перед собой волну телесного аромата утыкается в меня высокой грудью, говорит мне на ухо: «Все вы, мужчины, кокетки!»

Она выходит в коридор, я смотрю ей вслед и слышу голос нашего начальника.

– Ну-ну, хватит! Заходи!

Я так и думал – наш начальник стоял между двумя, внешней и внутренней, дверьми кабинета. Закатанные рукава рубашки. Подтяжки. Ослабленный узел галстука. стакан с виски.

2

...Мы сидим друг напротив друга за столом для совещаний, отражаясь в его полированной столешнице. Наш начальник не ставит стакан на стол. На рабочем столе – только тонкая папка с бумагами. В ней что-то очень важное. Наш начальник стремится к чистым, гладким поверхностям. Его телефоны упрятаны в ящик стола. Если надо позвонить, он его выдвигает. Если надо что-то написать, он выдвигает другой, тот, где лежат блокнот и ручка. В ещё одном – ноутбук. Тамковская обозначает это как проявление возвращения вытесненного. Такие ритуалы – в интерпретации Тамковской, – позволяют нашему начальнику не пропускать в сознание запретные мысли. Тамковскую волнует – что это за мысли? Меня же – как созданная нашим начальником система работает и каковы результаты её работы? В этом главные наши противоречия с Тамковской. Помимо прочих. Её интересует «что?», меня – «как?»

– Как ты себя чувствуешь? – спросил наш начальник.

– Отлично! Я всегда себя чувствую отлично.

Он усмехнулся и отпил из стакана. Причмокнул. Он любит виски со слегка гниловатым привкусом торфа. И презирает меня за то, что я люблю что-то попроще.

– Ты какой-то одутловатый. Дышишь в сторону. Пил?

Мне удобно держаться однажды выбранной легенды: я пьяница, которому стать алкоголиком не дает редкое генетическое заболевание – алкоголь не может включиться в метаболизм клеток, так как его не пропускают мембраны моих митохондрий. Это – очевидная чушь, но когда-то мне удалось правдоподобно её изложить – психологи, как и все мистики, трепещут перед естественными науками, – и коллеги в неё поверили. Как ещё раньше поверили в то, что я человек ранимый и могу сорваться из-за совершеннейших мелочей.

– Что тебя расстроило на этот раз?

– С чего ты взял?

– В среду ты сказался больным, просил два отгула, в четверг и пятницу, в понедельник мы не могли тебя найти целый день, сегодня, во вторник искали с самого утра. Я подумал – ты решил расслабиться. Кстати, – он сделал ещё один, шумный глоток, – почему себе не налил? Не желаешь? Предпочитаешь, чтобы я поухаживал?

– Нет... А вообще – давай!

Ранимый должен всегда колебаться. Быть эгоистичным, чуть нагловатым, а нерешительность выставлять в качестве защитного механизма. Для того, чтобы избежать болезненных уколов, ему следует осматривать каждую возможность помногу раз. Научиться этому просто. Надо только захотеть.

Он наливает на два пальца, у него пальцы тонкие, нежные, он в жизни ничего тяжелее авторучки в руках не держал.

Я делаю маленький глоток, ставлю стакан на стол. Невротический страх можно уподобить короткому одеялу: как не укрывайся, какая-то часть тела – наружу. Наш начальник всегда укрыт коротким одеялом. Он толкает папку ко мне.

– Тут вот такое дело, – он привстал, протянул руку, взял папку с рабочего стола. Опыт подсказывает – чем тоньше папка, тем серьезнее её содержимое и тем тяжелее придется. Я не спешу открывать папку. Чувствую – в этой нечто совершенно особенное. Так и оказывается.

В папке всего несколько листков. По диагонали проглядываю первый, смотрю на второй, возвращаюсь к первому. Потом прочитываю второй, заглядываю в третий. Можно листать и дальше, но уже понятно, что за долгие годы работы в Управлении экстренной психологической помощи при чрезвычайных ситуациях я ни с чем подобным не сталкивался: такого, чтобы жители небольшого, старинного городка поверили во встающего из могилы покойника, в то, что он расхаживает по улицам, такого я ещё не встречал, но ощущал, что всё к этому идет.

Это должно было произойти! Мне непросто скрыть тяжелый, на грани ужаса восторг. Я ещё раз перелистываю несчастные листочки. От них веет угрозой.

– Ну? – спрашивает наш начальник.

– Тут, в нескольких местах, обозначено «Приложение». Приложение один, приложение два, три, четыре и так далее. Где приложения?

Наш начальник указывает на стоящий у ножки стола картонный ящик. Приложения – в нем. Оставив папку на столе, я наклоняюсь, снимаю с ящика крышку. Несколько скоросшивателей. Выбираю обозначенный как Приложение 1. Итак, мы имеем: небольшой городок на северо-западе, среди холмов, лесов и озер; сюда, из столицы, вместе с семьей, жена и двое мальчиков, один – дошкольник, второй – в четвертом классе, некоторое время назад приезжает некий господин под фамилией, так, так, фамилия длинная и кажется, кажется – Лебе-, Лебеже-, так – Лебеженинов, художник, педагог, решивший – с какого богу, что с ним случилось такое, лавровец-чайковец! – что должен именно тут, в городке, сеять разумное-доброе-вечное; Лебеженинов занимает должность директора художественной школы, а также её единственного преподавателя по рисунку, живописи, скульптуре, графике, бла-бла-бла, и затевает – так, пропустим, – через некоторое время затевает, при поддержке городской администрации, ремонт в этой самой школе, не капитальный, совсем небольшой ремонт, крышу подлатать, стены покрасить – мог бы сам, художник ведь! – и нанимает, как директор, бригаду, через местного коммерсанта Поворотника Семена Соломоновича; и тут на Лебеженинова обрушивается – нет, не плохо отремонтированная крыша, а небо-небеса: Лебеженинова обвиняют в вымогательстве у Поворотника суммы в размере триста семьдесят тысяч рублей, в угрозах физического насилия и – ну как без этого в наше время, как без этого! – в сексуальных домогательствах к двум ученикам, к мальчику и девочке; следует задержание, полдня, вечер и ночь Лебеженинов сидит в отделении полиции, ждет постановления суда об аресте, суд должен начать заседание утром, но к утру, часов этак в пять у Лебеженинова возникают проблемы с сердцем, он просит принести лекарства, ему сначала отказывают, потом некий сотрудник полиции по фамилии, так, так – ага! Кунгузов! – вот, Кунгузов едет к нему домой, привозит лекарства, Лебеженинов принимает несколько таблеток, ему становится хуже, он теряет сознание, его пытаются оживить, Кунгузов делает искусственное дыхание, вызывают «скорую», везут, больница находится неподалеку, но когда Лебеженинова выгружают из «скорой» он «перестает подавать признаки жизни», а в приемном покое фиксируется смерть, так, пропустим, пропустим, так, комиссия, прокурор, начальник ОВД, вот – вот! – черным по белому – Лебеженинова хоронят, а на следующий день после похорон он пытается купить в магазине-ларьке-киоске лимонный пирог, а потом его встречают на автовокзале, потом встречают ещё раз, у киоска «Табак»...

А-а-а! Какой класс!

Интересно – продали ли ожившему покойнику пирог с лимонной начинкой? откуда у него деньги? кто-то положил в карман пиджака, в котором его хоронили? или две монетки по десять рублей на навечно закрытые глаза? но, раз двадцатки теперь ни что не хватит, продавщица сказала – потом занесете? он куда-то хотел поехать на автобусе? он купил сигареты или ему их не продали: мы не продаем табачные изделия покойникам!

Но обо всем этом, самом интересном, самом важном – ни слова, но зато бла-бла-бла – теперь в городке крайне напряженная ситуация, жители находятся в состоянии близком к психотическому, существует угроза эпидемии обсессивно-компульсивных состояний. Писавший явно заглядывал в Википедию. В городке может начаться паника. Если только безымянный автор не сгущает краски. А он, видимо, не сгущает. Он, скорее, их разбавляет. Мне же хочется сочных мазков. Я по ним так соскучился.

– Круто! – я закрыл папку. – Однако – бред! Полный бред! И то, что подключаемся мы, этот бред...

– Институционализирует? – наш начальник может правильно выговорить любое слово, у меня с этим всегда сложности. – Да, таким образом мы признаем за ним право на существование. Но не мы принимаем решения. На меня вышли напрямую. Из аппарата премьер-министра. Который, кстати, родом из этого городка. Премьер очень, очень переживает за всё, что там происходит... Одним словом, тебе надо ехать. Я бы послал кого-то другого, но...

– Землетрясение. Прорыв плотины. Взрыв.

– Ты всё знаешь! Да, как обычно – все вместе и сразу. Тамковскую я пошлю вместе с тобой. Ещё – Извекович. Он к нам вернулся. На полставки. Да, оба они кабинетные работники, но ситуация аховая, посылать больше некого. Не Раечку же.

– Сам бы поехал...

– Тамковская – за главного, все-таки она доктор наук, но все в твоих руках. Я на тебя надеюсь. Ты ведь меня никогда не подводил. Не подводил?

– Не подводил, но там нужны медики. Психиатры. Надо обратиться в...

– У них сложная политическая обстановка. В этом городке. И в губернии в целом. Возвращают выборы губернаторов. Недавний глава администрации этого городка будет новым губернатором, а пока трудится вице-губернатором, а на его место должен прийти глава нынешний. Как-то так.

– Подожди, ты сказал – выборы. Откуда ты знаешь, что бывший глава станет новым губернатором, а нынешний придет на его место?

– Я тебя умоляю! Уже принято решение, но покойник с лимонным пирогом портит картину. Ты должен спрямить углы. Успокоить. Кого-нибудь найдете на месте. Сейчас дипломы психолога раздают всем кому ни лень, но встречаются и толковые молодые специалисты. Посмотри среди выпускников педучилищ. Может кого-то из вояк привлечешь, там на аэродроме какой-то майор занимается предполетным тестированием. Иди готовься, завтра утром за тобой заедут. В половине восьмого утра. Извекович согласился ехать на своей машине. Пришлось выписать деньги на бензин. Ты представляешь? Как измельчали люди! Деньги на бензин! Так что – езжай домой, наберись сил, и не пей, пожалуйста... Твои на даче?

Моя жена давно гостила у младшей дочки в Австралии и как-то не собиралась возвращаться, старшая со своим безнадежно женатым банкиром сидела на Кипре, сына от первого брака я не видел и не слышал много лет.

– На даче. Нет-нет, подожди! Ты отправляешь нас троих...

– Да-да, у тебя же за Тучково. Семьдесят километров. Я помню... Там, в городке, и психиатр один имеется, семьдесят четыре года, глух на одно ухо. Он, правда, лицо в некоторой степени заинтересованное, покойник его зятёк, но зато большой клинический опыт. Ну, и этот, как его, майор. Ящик с папками заberi. Дома просмотришь. Ещё виски?

– Нет, спасибо! Послушай, так нельзя...

– При необходимости скайп. Лучше или утром или поздно вечером. Письма я смотрю весь день. Звонить не надо, просить помощи тоже не надо, помощи всё равно не будет, прислать некого. Некого!

– Ты издеваешься? Ты хочешь выставить меня на посмешище? Плесни ещё, давай что-то придумаем...

– У меня сейчас селекторное совещание. На вчерашнем я сказал, что мои специалисты по покойнику уже работают. Покойник на контроле в аппарате правительства. Будь здоров!

Наш начальник протянул мне руку. Рукопожатие крепкое.

Наш начальник расправляет рукава рубашки, подтягивает узел галстука, снимает со спинки стула пиджак.

– Что-то ещё?

И мой главный аргумент против отъезда в командировку остался невысказанным: за время отгулов мне удалили кое-что лишнее, но врачу, в целом довольному результатами

операции, сделанные экспресс-пробы ткани внушили определенные опасения, и до того, как я смылся из больницы, он отправил ткань на глубокий, комплексный анализ. Завтра, в одиннадцать утра, мне надо с ним увидеться.

Наш начальник надевает пиджак. Я смотрю на стакан с недопитым виски. Оживший покойник суть квинтэссенция, вытяжка времен, пространств и стихий. Он намного интересней результатов анализов. Но времена, пространства и стихии чужие, а анализы мои.

Я вздохнул и влил в себя остатки виски.

3

... Дома я закидываюсь двойной дозой анальгетика, протираю салфеткой шов, закусываю куском подсохшей пиццы полстакана водки, высасываю банку пива, ложусь. Вспоминаю, что не почистил зубы. Встаю, чищу их долго и тщательно. Пена розовеет. Это – новый симптом. Водой из-под крана запиваю таблетку мощного снотворного, вокруг кровати я расставил сразу несколько будильников. Мне снится банальный сон про то, как мне снится сон, в котором я сплю и не могу проснуться. Когда я вываливаюсь из сна, подушка насквозь мокрая. Перед глазами – синие круги, хочется пить, но я вновь засыпаю, и вижу яркий солнечный день, уходящее к горизонту поле, у горизонта – темный лес. Нужно до него добраться, но кто-то держит меня за воротник, перехватывает дыхание, держащий невидим, когда я отмахиваюсь, он чуть меня отпускает, стоит мне попытаться сделать хотя бы шаг, дергает назад. Я просыпаюсь. Горло болит. Смотрю на светящиеся стрелки ближайшего будильника. Скоро утро. Я иду в ванную, открываю воду, наклоняюсь, вода льется мне на спину. Сняв с вешалки полотенце, вытираюсь и смотрю в зеркало: у меня на горле свежий рубец. Рубец саднит. Я брызгаю на него одеколоном, кожу щиплет. Я выхожу на кухню. Варю кофе. Действие снотворного ещё не закончилось, вокруг словно туман. Сажусь и открываю папку. Из неё выпадает справка на ожившего покойника. В справке полужирным и курсивом выделено, эти слова ещё и подчеркнуты красным, что в отношении Лебеженинова собирались завести уголовное дело – якобы он толкал омонвца на каком-то митинге, – ограничились делом об административном правонарушении, другие задержанные вместе с Лебежениновым до сих пор под следствием, некоторые арестованы до суда, кого-то уже осудили. Я вздыхаю. Туман становится гуще. Кофе кажется горьким. Я засыпаю сидя за кухонным столом, уронив голову на руки, когда будильники начинают звонить, я не могу понять – что происходит? – потом встаю, выключаю будильники, отключаю будильник на своем телефоне, отправляюсь в душ. Собранная рабочая сумка стоит в прихожей. Рядом – командировочный чемодан на колесиках и ящик с папками. После душа я выкуриваю сигарету, одеваюсь, выхожу из квартиры. У лифта чувствую, что прокладка лежит косо, что вот-вот соскочит в левую штанину. Я возвращаюсь в квартиру, в темноте прихожей поправляю прокладку, спустившись вниз, вижу машину Извековича. Тамковская сидит на переднем сиденье. Я закидываю чемодан в багажник, сажусь на заднее сиденье, кладу сумку рядом с собой.

– Привет! – сказал я.

Тамковская кивнула.

– Привет! – ответил Извекович. – Можно ехать?

– Трогайте, шеф!..

4

...Настроение – отвратительное. Тревога и страх оплели меня. Мы едем через город, стоим в утренних пробках, с трудом выбираемся на шоссе, а я думаю, что надо было остаться должным и врачу и клинике, где меня оперировали, но я оплатил все счета и сунул врачу литровую бутылку «курвуазье». У него наверняка где-то стоит ящик с надаренными напитками. На пенсии откроет небольшой магазин – не все же копать в чужих задницах! – и избавится от всеохватного цинизма: по моему опыту, его уровень зависит от высоты расположения органа специализации – я никогда не встречал циничного офтальмолога.

Старый, темно-бежевый «мерседес» Извековича в идеальном состоянии. Большое рулевое колесо. Извекович плавно закладывает повороты, неторопливо перебирает руль тонкими, сильными руками в автомобильных перчатках. Пахнет кожей, гелем после бритья, духами Тамковской. «Мерседес» Извековичу привезли из Австрии. Он купил его на интернет-аукционе. За большие деньги. Извекович любит Австрию и всё австрийское. Извекович – бывший шпион, после выхода в отставку он был одним из создателей нашего управления, потом его вернули на службу, какое-то время он жил где-то за границей, потом читал лекции начинающим шпионам. Когда-то Извекович посещал лакановские семинары, наверняка – по заданию «центра» влип в какой-то скандал, был вынужден бросить университет, пошел служить в Иностранский легион, содержал бар в Бангкоке, вернулся во Францию, но провалился в Австрии, где до провала ездил на «мерседесе» той же модели, того же года выпуска, на котором мы едем сейчас. «Мы любим то, что напоминает нам о наших поражениях» – одно из его любимых изречений. Утверждает, будто лично слышал это от самого Лакана. В середине семидесятых. Извекович выглядит очень молодо, но сколько ему лет – конспиративная тайна. Своей богатой на события жизнью Извекович помогает окружающим, он напитывает их эмоциями, утоляет их голод. Его реальное, смыкаясь с воображаемым других, становится символическим. Извековича должны были взять в Линце, но он успел сесть на поезд, который умчал его в Венгрию, где тогда ещё правил дядюшка Янош. Для Тамковской Извекович включает музыку. Он предлагает ей выбрать. Выбор это насилие. Говорил ли это сам Лакан, или кто-то другой, сути не меняет. Тамковская выбирает классику. Эта истеричка мечтает о повелителе, которым она бы могла помыкать. Помыкать Извековичем у неё не выйдет.

Сквозь дождь, мимо болот и темных лесов мы едем под квартеты Бетховена. Сворачиваем с федеральной трассы и едем по узкой, петляющей между холмами дороге. За березками и елями, темнеют зеркальца озер. Низко висят облака. Навстречу, по обочине, идут неприбранные, расхристанные грибники. Тамковская и Извекович обсуждают работу, которой нам предстоит заняться. Извекович говорит о коллективном бессознательном, о том, что наши архетипы не допускают возможности того, что покойники встают из могил и покупают колбасу. Это нечто нам чуждое, наносное. Это чужие архетипы.

Я помалкиваю, вопрос о подлинном и наносном один из самых скользких, хотя и хочется сказать, что архетипы не могут быть ни чужими, ни своими, только позволяю себе вставить – мол, покойник покупал не колбасу, а пирог с лимонной начинкой. Тамковская раскрывает лежащую у неё на коленях папку, и говорит, что именно колбасу, а не пирог, что покойник даже устроил скандал из-за того, что у колбасы был просрочен срок годности. У меня нет никакого желания спорить, и я говорю, что колбаса, пирог, сыр или замороженные котлеты «Богатырские» – не суть важно, главное мы имеем дело со вспышкой галлюцинаторного бреда, который свойственен шизофрении, что такой случай, соединяющий зрительные, слуховые, тактильные галлюцинации уникален, а его эпидемиологическое распространение уникально вдвойне.

– И бред этот распространился из-за того, что тот первый человек, который якобы увидел расхаживающего по улицам покойника, был значим для прочих заразившихся, – кивает Изве-

кович. – То есть продуцент бреда не оживший покойник, которого, конечно же, не существует, а тот, кто его первым якобы увидел. Обладая высоким социальным статусом...

Извекович любит объяснять очевидное.

– Однако истоки бреда и даже личность продуцента для нас вопрос второстепенный, – говорю я.

– Вот как? – Тамковская сегодня удивительно агрессивна. – Мне всегда казалось, что найдя истоки можно представить себе и русло, по которому всё потечет.

– Это далеко не так...

– Да что вы говорите!

– Именно! Ведь тогда нам придется заняться интерпретациями. И даже если мы сможем выделить продуцента, нам придется выслушать его интерпретацию происходившего, на которую тем или иным образом, но с необходимостью будет наложена интерпретация наша собственная. И мы исказим изначальную реальность. Весь спектр её, от той, что существовала фактически, до той, которая имела у продуцента как результат его...

– Как интересно! – в голосе Тамковской плещется ирония. – Ну и как же нам получить неискаженную реальность?

– Нам не нужна реальность, – я встречаюсь в зеркале со взглядом Извековича: он вообще смотрит на дорогу? так недалеко и до беды! – Нам нужно понять механизм воспроизводства бреда. У продуцентов, а их, несомненно, несколько, он, скорее всего, одинаков. Затем вычленишь способ его передачи от человека к человеку. И комплексно разрушить и то, и другое.

– Это что-то новенькое! – фыркает Тамковская.

– Ольга Эдуардовна, сейчас дело не в наших теоретических разногласиях. Главное – зачем этот Лебеженинов восстал из мертвых? Говорил ли он с теми, кто первый его увидел? Что они думают? Эти, пока скрытые пружины бреда, помогут понять – как был запущен весь механизм?

– Вы что, – Тамковская так резко поворачивается ко мне, что ремень безопасности врежется ей в шею, – вы хотите сказать – мы должны отнестись к бреду не как к бреду, а как к яви? Ну, знаете, Антон Романович!

Я, глядя в мутное окно, размышляю о том, что вполне может быть и так, что прочие действительно заразились, но тот первый или первые, продуцент или продуценты, не бредил, что его собственный или их общий бред не был бредом, что покойник в самом деле ходил по улице, хотел купить пирог, колбасу, котлеты. И мне приходит в голову, что сам покойник запустил машину бреда. И нам надо найти не какого-то продуцента, жителя городка с высоким социальным статусом, а разрушить бред самого ожившего покойника. Да! Такой крутизны мы ещё не достигали. Это высшая точка. Апофеоз. Апогей. Зенит...

...И тут я ощутил легкое дуновение, словно кто-то наклонился и подул мне в лицо. Причем – с нарастающей силой. Поток воздуха становился все холоднее и холоднее. Глаза начали слезиться. Я вздохнул полной грудью. Воздух был наполнен каким-то горьким ароматом. Пожухлые цветы, сухая плесень, нотки цитрусовых, немного табака, мелкая пыль, окалина.

– Закройте, пожалуйста, окно! – громко попросил я.

– Оно закрыто, – ответил Извекович, они с Тамковской обменялись взглядом, Тамковская пожала плечами, мимо нас пролетела серебристая машина со знаком «такси» на крыше, и я посмотрел на часы, попросил остановиться.

Черпнув ботинком воды в кювету, по мокрой траве иду в кусты. Прокладка вся в крови. Смотрю на часы и достаю телефон. Врач начинает выговаривать за то, что я уехал, говорит, что если у меня такое наплевательское отношение к собственному здоровью, то ему очень жаль. Я вздыхаю. Он говорит, что мне необходим постельный режим. Я отвечаю, что был вызван на работу, что выполняю важное, очень важное поручение, что моя работа... Врач перебивает,

говорит, что я, в конце концов, взрослый человек. С этим нельзя не согласиться. Вокруг меня – мятые пластиковые бутылки, обрывки бумаги, кучки полуразложившегося дерьма, надо мной – блекло-голубое небо, верхушки тонких берез, с одной на другую перелетает маленькая птичка с розовой грудкой. Врач говорит, что результаты повторных анализов ещё не готовы, а вот взятые сразу после операции пробы плохие. Плохие – в каком смысле? Во всех, Антон Романович, во всех. Но вы же говорили, что они внушают вам опасения, и не говорили, что они плохие. Вы говорили об опасениях. Опасность не означает, что... А сейчас говорю, что ваши пробы – плохие! И – опасные. Понимаете? Да... Позвоните мне через два дня. И поскорей возвращайтесь. Договорились? Договорились. Вам нужен постельный режим. Понимаете? Понимаю...

...Я пошел к шоссе, внимательно глядя под ноги. Через два дня. Значит – в пятницу. Нет, пятница будет через день. Значит – в субботу. В субботу утром мой врач обычно долго спит, значит – где-то около часа. Главное – не забыть. Не забыть.

Извекович стоял возле открытой правой передней двери, Тамковская сидела положив ногу на ногу. У неё красивые ноги. И красивое тело. Ноги длинные, тело короткое. Модельные пропорции. Высокая шея. Тамковская сказала что-то смешное – Извекович рассмеялся, повернулся и посмотрел на меня.

– Звонил наш начальник, – говорит Тамковская когда я сажусь в машину и мы отъезжаем. – Спрашивал – ознакомили вы нас с содержимым папок, которые забрали из его кабинета.

– И что вы ответили?

– Что ещё нет, но ознакомите обязательно.

– Первая часть вашего ответа верная, вторая – нет.

– То есть?

– Ящик с папками остался на лестничной площадке, возле лифта. Я вышел из квартиры, потом мне понадобилось вернуться, а когда я вновь вызвал лифт, то про ящик забыл.

– Вы понимаете, старина, что это бумаги для служебного пользования? – спрашивает Извекович. – Вы понимаете, что если они попадут к...

– Они попадут к нашей уборщице. Она отнесет его в подвал, где живет со своим мужем, водопроводчиком, и тремя детьми. Никто из них ничего не поймет – они и говорят-то по-русски еле-еле...

– Какая легкомысленность! – Извекович даже краснеет от негодования.

– Но вот их старший очень смысленный мальчик. Он учится в седьмом классе. Ему будет интересно.

Извекович открывает было рот, но Тамковская накрывает изящной ладонью его руку, лежащую на рычаге переключения передач.

– Успокойтесь, Роберт. Антон Романович нам расскажет то, что сумел запомнить. Мы же не можем возвращаться! Антон! Вы все папки посмотрели? Тогда давайте по порядку, с первой папки. Ехать нам ещё долго. Не всё же нам слушать музыку, нет-нет, Роберт, мне очень нравится, сделайте чуть потише, да, вот так...

– Вы серьезно? – спрашиваю я.

– Ну да, мне всегда нравилась классическая музыка. И нам надо войти в курс дела. Того, что нам дали, недостаточно. К тому же принципиальные разночтения – у вас пирог и кока-кола, у меня и Роберта – пиво и колбаса. Из-за таких несовпадений может произойти что-нибудь трагическое. А вы... У Антона Романовича потрясающая память, – Тамковская вновь накрывает своей ладонью руку Извековича, – он, как все, запоминает всё, но в отличии от нас, простых смертных, может воспроизвести запомненное.

– Более двух третей жителей городка считают, что покойник ожил на самом деле, – говорю я. – Хотя родители детей, к которым якобы покойник приставал, уверены, что он не оживал, но вот родители других детей думают, что ожил и среди них высок процент тех, кто

считает, будто покойник теперь будет преследовать их детей. Общее число видевших покойника, в процентном выражении...

– Я отказываюсь слушать этот бред, – говорит Извекович. – Это полная дичь. Извините, Антон, это относится не к вам, а к тому, что вы нам транслируете.

– Роберт, успокойтесь! Антон, продолжайте!

– Спасибо, Ольга. Самая интересная категория – так называемые «заразившиеся». Это те, кто видел покойника или соприкасался с ним, например, облакачивался на прилавок киоска «Табак» после того, как на него облакачивался покойник, пытаясь купить пачку сигарет. Эти «заразившиеся»...

– Какие сигареты он собирался купить? – спрашивает Тамковская, доставая блокнот. – Что случилось, Роберт? Зачем вы сюда сворачиваете?

– Туалет. И – кафе. Надо перекусить! Хотя бы выпить чаю.

– Хорошо, – соглашается Тамковская. – Продолжим позже. Антон, запомните то место, на котором вы остановились.

Салат, солянку, тефтели с гречневой кашей, томатный сок и сто пятьдесят. Это я заказал у веселой буфетчицы-официантки. Извекович тактично заметил, что обед ждет нас по прибытии в городок, кисло улыбнулся, когда я сказал, что как животное ем когда хочу, а потом – Тамковская подошла к буфету, – спросил – не много ли, сто пятьдесят, и не рано ли? – но тут мы оба услышали как Тамковская тоже заказывает солянку и, к моему и Извековича изумлению, сто грамм, и ответил Извековичу что в самый раз и что время – это иллюзия, самая опасная из всех, на что Извекович сказал, что я могу не стараться – он посещал лекции Пейджа об иллюзорности пространства-времени, сам писал на эту тему работу, а ещё сказал, что вопрос об иллюзорности времени тесно связан с вопросом его, времени, зарождения, генезиса, его видов и разновидностей, если же серьезно – то предположение о возникновении времени и само оно, время, во всем его многообразии, отрицает вечное, внепространственное и вневременное существование творца, а если совсем серьезно – его расстраивает мое настроение, он же видит – со мной что-то не так, и я спросил – а с кем – так? Извекович хотел было что-то ответить, но вернулась из туалета Тамковская, заказавшая по пути ещё два чая – «Антон! Вы будете чай? Нет? Два чая!» – дальнбойщики за одним из столиков даже дернулись – у Тамковской такой интеллигентный голос, кошмар просто, ужас! – и поинтересовалась – мол, о чем мальчики шепчутся?

– Мы говорим о том, как падшая богиня хаоса Ансорет сошлась с богом мрака Тшэкином и родила близнецов... – начинает Извекович, но Тамковскую так просто не купишь: она садится, закидывает ногу на ногу, просит меня рассказать всё, что я знаю про Лебеженинова, я начинаю пересказывать содержимое папки номер пять, но Тамковская замечает, что о содержимом папок мы будем говорить в дороге, а сейчас она просит рассказать о личных впечатлениях от знакомства с Лебежениновым.

– Вы его знали лично? – Извекович изумлен. – Вы общались?

– Антон Романович был консультантом в оппозиционной партии, активистом которой одно время был наш восставший из могилы господин Лебеженинов, Борис Борисович. Антон Романович проводил у них тренинги, учил их, пестовал, а их не зарегистрировали, оказалось – им негде применить навыки, полученные с помощью Антона Романовича, они отказались от его услуг, и Антон Романович потерял одну из статей дохода.

– Я работал на общественных началах... – с обидой начинаю я, но Тамковской приносят солянку, мне – всё мной заказанное, чохом, наши водки слиты в один графинчик, я забываю про обиду, разливаю, мы чокаемся, пьем, я погружаю вилку в залитый майонезом салат, Тамковская зачерпывает солянки, Извекович просит буфетчицу-официантку поторопиться с чаем, но тут Тамковская откладывает ложку, вытирает губы салфеткой и говорит, что Лебеженинов

был оппозиционером умеренным, всегда говорил, что с властью надо по определенным позициям сотрудничать...

– Давайте не говорить, хотя бы между собой, о нем в прошедшем времени, – предлагаю я.

– Почему? – спрашивает Извекович. – Он, вы считаете, всё-таки воскрес? Восстал из мертвых? Ожил?

– Лебегенинов конечно не воскрес. Он не Лазарь и никто ему не говорил – встань и иди, к тому же – его закопали, а не положили в пещеру...

– Антона Романовича понесло, – говорит Тамковская, допивая коротким, птичьим глотком свою водку.

– Есть немного, – соглашается с нею Извекович: принесенный буфетчицей-официанткой чай светел и мутен, налив из чайника в чашку, Извекович переливает его обратно и горестно вздыхает.

Меня пробивает озноб. В придорожном кафе неуютно, дуют сквозняки, причем как-то хаотично, меняя направление. Я доедаю тефтели.

– И, тем не менее, вы склоны думать, что покойник ожил? – спрашивает Извекович. – Кто же он тогда? Вампир? Вурдалак? Вы в это верите или вы это знаете? Антон, пожалуйста, соберитесь!

– Я не разобрал. Я компактен и боевит. А насчет вурдалаков-вампилов – это никак не связано с нашей работой. Мы работаем в другой плоскости реальности, в другом слое. Между нашим и тем, в котором бродят ожившие покойники, есть лишь мостики, пути взаимоперехода, эти слои между собой не тождественны, наложить их друг на друга можно, но очень аккуратно, в такой момент и тот и другой становятся хрупкими...

– Антон Романович! Вас же просили собраться! – Тамковская наливает себе чаю, оставляет чашку.

– Нет, о наложении реальностей друг на друга и благоприобретенной хрупкости – неплохо, – говорит Извекович и интересуется – сколько мы ещё будем прохлаждаться?

5

Обед в придорожном кафе не проходит безнаказанным: Извекович ещё не успевает открыть дверцу Тамковской, а я уже взлетаю по ступеням крыльца, получаю направление от охранника-швейцара, оказавшись в кабинке лишь успеваю расстегнуться и плюхаюсь на сиденье унитаза. До сухости во рту, до черных точек в глазах, до дрожи хочется курить, а сигареты остались в сумке. Только зажигалка. Я откидываю её крышку, нюхаю фитиль. Запах бензина немного успокаивает. Тут в туалет кто-то заходит. Я слышу, как стучат по полу крепкие каблукы. Вошедший толкает соседнюю дверь, там ему что-то не нравится, он проводит ногтями по двери моей кабинки, берется за ручку.

– Занято! – говорю я.

Он стоит перед закрытой дверью.

– Послушайте! Дружище! Угостите сигареткой!

Мне видны ботинки стоящего перед дверью человека. Хорошие ботинки. На левом царапина. Владелец ботинок видимо напоролся на проволоку, кончик которой прочертил нечто, похожее на маленькую комету.

– Английские?

Что ему надо? В туалете три кабинки, я сижу в ближайшей к выходу, две свободны. В этом городке и покойники встают из могил, и маньяки шарят по мужским туалетам?

– Я про ботинки. Английские? Жаль, поцарапали, но сразу видно – обувь серьезного человека. Такие ботинки служат годами. Британское качество. Britons never will be slaves! Верно, дружище?

– And was Jerusalem builded here among these dark Satanic mills... – слышу я в ответ.

Я сплю? Грежу?

Стоящий по другую сторону продолжает напевать, доходит до слов «Bring me my chariot of fire!», и ботинки исчезают...

...Извекович и Тамковская у стойки администратора любезничают с блекло-рыжим молодым человеком в темно-сером костюме: это советник городской администрации Тупин П. Б. Он так и говорит, пожимая мне руку – Тупин Пэ-Бэ. Удастся выяснить, что «Пэ-Бэ» это Петр Борисович. Тупин вручает Тамковской три темно-серые, в тон костюма советника городской администрации, папки. Теперь у каждого из нас по две папки. Я думаю о том, что если свести воедино все в них содержащееся, то оживший покойник приобретет ещё более своеобразные черты. С автобусным билетом, с сигаретой в углу рта, он будет шаркающей походкой двигаться по улицам городка, попеременно попивая пиво, кока-колу, поедая колбасу и пироги. Тамковская отдает одну папку Извековичу, другую передает мне, открывает свою и быстро пролистывает её содержимое. На пальцах Тамковской много колец. Кольца шуршат. Тупин сообщает, что нас ждут в администрации к половине восьмого, а потом к нам, несмотря на вечернюю пору, придут нуждающиеся в помощи. Извекович спрашивает – многих ли таких? Каких таких, переспрашивает Тупин, и Извекович поясняет – нуждающихся. Тупин улыбается. Он недавно отбелил зубы, они матово блестят. Его глаза сидят глубоко, длинные ресницы отбрасывают тени на пухлые щёки. Он воплощенная хитрость и лукавство. Тупин говорит, что для них такие явления не характерны.

– У нас умер так умер, – сказал Тупин. – Это все разные поляки да румыны. От них всё это. Никак не могут успокоиться ни они сами, ни их покойники.

Перед тем как уйти, Тупин говорит, что в ресторане гостиницы нас будут обслуживать в любое время за счет городской администрации.

– И алкоголь? – Тамковская улыбается мне, а я думаю, что ей надо бы подумать о пластической операции: морщинки ей явно вредят. Ноги и фигура – ладно, но морщинки...

– И алкоголь... – Тупин идет к выходу из холла гостиницы. Я дожидаюсь пока Извекович с Тамковской не начинают подниматься по лестнице, догоняю Тупина.

– Петр Борисович, – я взял его за локоть, – простите, я хотел поблагодарить вас за огромный труд. Ведь это вы собрали те материалы, что прислали нам в управление?

– Можно просто – Петр, – свое имя Тупин произносит с важностью. – Это заслуга моей команды. Мы старались быть беспристрастными. У нас уже есть кое-что новенькое. Я пришлю к вам в номер.

– Вы мне пришлите ссылку. Что бумагу тратить!

– Ни того, что читали вы, ни того, что я вам пришлю, в сети нет. Мы набирали сами, с бумажных экземпляров или сканировали, работали на компьютере, не подключенном к сети. Мы соблюдаем информационную безопасность. Все это может повлиять...

– Понимаю. Присылайте. Но мне кажется, что для успешной работы было бы полезным встретиться с женой, то есть с вдовой этого...

– ...ожившего покойника, – заканчивает Тупин мою фразу. – Думаю, это можно устроить.

– Нет, Петр, нет. Устраивать ничего не надо. Мне нужен её телефон. И я бы не хотел...

– Понимаю, – Тупин важно кивает, достает телефон. – Набирайте – восемь, девятьсот...

...Кровать в алькове, прикроватные тумбочки, вазочки со свежими полевыми цветами, покрывало из искусственного, плотного красного шёлка, новый журнальный столик, о столешницу которого уже гасили сигареты, кресла, буфет с посудой, платяной шкаф. Напротив номер Извековича, рядом номер Тамковской.

Я принял душ, сбросил покрывало на навощенный паркет, лег на большую мягкую кровать, открыл темно-серую папку. Покупал оживший покойник не лимонный пирог и не колбасу, а – ну конечно, конечно же! – пиво, выйдя из магазина-киоска-ларька и открыв бутылку, начал пить, но его спугнули трое местных молодых людей, у всех троих фамилии начинаются на «б»: Бадовская, Боханов и Бузгалин. Они были первыми, кто видел покойника. Никто из них на роль продуцента бреда вроде бы не годится. Социальный статус у всех троих невысокий. Бузгалин год назад, до того, как уехал в областной центр учиться в колледже кулинарных искусств, посещал художественную школу, где преподавал покойный. У Бузгалина мог быть некий мотив, думаю я. Скажем – видел себя художником, а Лебеженинов не разглядел в нем таланта, раскритиковал его работы. Месть несостоявшегося Ван Гога. Объявить своего педагога оборотнем. Это – красиво. Гитлер отомстил венской академии ещё круче. Лиза Бадовская, приехала на каникулы, учиться в институте, в столице, так и написано, – в Столице, с большой буквы, будущий – почти коллега, социолог, как и Бузгалин училась у Лебеженинова, была его любимой ученицей, он писал ей рекомендацию в – ишь ты! – в Строгановку, ну-ну. Так, и Боханов, самый старший, ныне – стажер полиции, мечтает стать инспектором ГИБДД. Этот у Лебеженинова не учился, отслужил в армии, боксер... Недопитая покойником бутылка пива в качестве вещественного доказательства хранится в городском отделе внутренних дел. Содержимое перелито в специальную емкость, отослано на экспертизу, отпечатки же на бутылке предположительно совпадают с отпечатками Лебеженинова, снятыми со стакана, переданным для сравнения его вдовой, в настоящий момент с отпечатками работают в областной криминалистической лаборатории.

Среди бумаг в папке также справка от местного психиатра, человека явно не совсем здорового. Он употребляет словосочетание «индуцированный бред», причиной, которая могла его вызвать, считает распыление психотропных боевых веществ с целью проверки обороноспособности наших северо-западных рубежей и устойчивости наших граждан к влиянию западной идеологии. Далее психиатр предполагает, что Госдеп Соединенных Штатов мог профинансировать, а покойный Лебеженинов мог согласиться на полевое испытание этого препарата, превращающего людей в нечувствительных к боли и эмоционально глухих монстров. Несомненно, у психиатра с зятем глубокие, серьезные отношения.

В меморандуме Тупина Пэ-Бэ мелькают слова дестабилизация, информационная война, воинствующий либерализм. В таком же ключе дана и его же справка о самом покойном. Умело маскирующийся общественный активист. Смерть Лебеженинова представлена как далеко идущая провокация с целью дискредитировать городские власти и местные правоохранительные органы. Я закрываю папку. За что? За что мне всё это?!

Слышно как скрипит дверь напротив, как открывается дверь рядом. Я встаю с кровати, запикиваю папку в рабочую сумку, выпиваю две таблетки обезболивающего, и отправляюсь в бар, куда около семи спускаются Тамковская и Извекович. Глаза у них блестят. У Тамковской румянец заливаает скулы, за воротом блузки угадывается след поцелуя. Тамковская заказывает белое вино, Извекович – кофе и рюмку коньяка, я допиваю третью порцию рома, когда сажусь на заднее сиденье «мерседеса», стекла сразу запотевают. Тамковская тяжело вздыхает. Я кидаю в рот кусочек мускатного ореха...

...Мы сидим за большим овальным столом. Присутствуют глава городской администрации, главврач больницы, полицейский начальник, бровастый, широкоплечий главный местный эфэсбэшник, Петя Тупин, дама с широкими скулами, пухлыми губами, Тамковская, Извекович и я. Пухлогубая заведует местным образованием, говорит, что благодаря усилиям городской администрации процент поступивших в высшие учебные заведения выпускников средних школ городка неуклонно растет, но всё ещё есть дефицит учителей, а школьный учитель основа здорового общества. Глава администрации, молодой, крепкий, мордатый, с одобрением кивает её словам, дожидается паузы – пухлогубая сглатывает накопившуюся от возбуждения слюну, – и сообщает, что кабинеты нам выделены, что нуждающиеся в помощи уже выстроились в очередь. Глава благодарит нас за то, что мы смогли приехать. В вазоне на столе лилии, тяжелый аромат дурманит, пухлогубая открывает рот, но глава, привстав, накрывает её руку своей, когда опускается на стул, она вытирает покрытый испариной лоб салфеткой, достает планшет, начинает листать какие-то страницы, у её губ пролезают глубокие складки. Слово берет главный местный эфэсбэшник. Он обещает нам всемерную поддержку и помощь, говорит, что те, кто верит будто оживший покойник существует на самом деле, создают угрозу государственным устоям, однако надо разделять тех, кто наивно заблуждается, и тех, кто веря в покойника, наделяют его чертами мученика, придают ему ореол, и обвиняют в недоработках органы правопорядка.

Вокруг меня – полупрозрачная завеса, слова эфэсбэшника, как до него – главы городской администрации и заведующей образованием звучат приглушенно. Главврач берет с тарелочки маленький пирожок и деликатно откусывает кусочек. Он жуёт медленно, скосив глаза в сторону говорящего. Теперь нам докладывает обстановку начальник полиции. Раскрываемость растет, кадры становятся лучше и профессиональнее, проценты тяжелых правонарушений снижаются. Мне хочется перегнуться через стол, через лилии, схватить главврача за тощую шею, испортить показатели.

Слово берет Тамковская. Она говорит, что перед нами стоит серьезная задача. С этим все соглашаются. Она говорит, что поставленную задачу мы успешно решим в кратчайшие сроки. Глава администрации одобрительно смотрит на Тамковскую. Тамковская говорит о том, что мы – она смотрит сначала на меня, потом на Извековича, – оснащены оригинальными методиками, прошедшими обкатку в самых экстремальных ситуациях, однако важно знать генеральную цель нашей работы, а её должна поставить перед нами местная власть. Глава администрации, убаюканный её предыдущими словами, начавший было перелистывать лежащие перед ним бумаги, с тревогой смотрит на Тамковскую.

– Ольга Эдуардовна имеет в виду важность выбора общей стратегии, – вступает Извекович. – Нашей задачей как всегда является помощь людям. Снять острые состояния. Купировать тревогу. Но важно то направление, в котором...

Голос Извековича звучит всё глуше. Листок с биографической справкой на этого несчастного, ставшего ожившим покойником общественного активиста, вдруг начинает дрожать, идет волнами, приподнимается и зависает над поверхностью стола. Невысоко. Не больше полутора-двух сантиметров. Мне надо хотя бы прочитать вкладыши к тем лекарствам, которые я купил чохом, по списку врача. Врач что-то говорил об опасности передозировки. Мне хочется петь, я даже прокашливаюсь. Главное не голос, не слух, главное – репертуар. В памяти всплывает песня, которую пел двоюродный дядя после третьей, слова её, казавшиеся совершенно забытыми, теперь выстраиваются в нужном порядке, остается лишь задать ритм ладонью: «У подъезда, у трамвая, сидит Дуня чумовая...», но листок плавно опускается поверх прочих, только чуть наискосок.

– Вы согласны, Антон Романович? – спрашивает глава.

– Полностью, – киваю я. – Однако должен заметить, что судя по социальным сетям смерть вашего Лебеженинова не привела к... – я щелкаю пальцами, – не вызвала ещё такого интереса, который она должна была...

– Нашего, – говорит глава администрации.

– Что?

– Лебеженинов – он наш, Антон Романович.

Ишь ты! Наш, значит...

6

... Тамковской с Извековичем выделили кабинеты в стоящем неподалеку от здания городской администрации флигеле. Мы с главой администрации остаемся одни. Глава вызывается проводить меня до кабинета. Городская администрация, как сообщает глава, расположена в здании бывшего дворянского собрания. Этот городок во все времена выращивал выдающихся деятелей. Великого княжества московского. Русского царства. Российской империи. Советской России. СССР. Новой России. Российской Федерации. Глава называет некоторые фамилии и имена. Как? И он тоже? – изумляюсь я, и глава многозначительно прикрывает глаза. Список впечатляет. В здании дворянского собрания располагалось управление по строительству проходящего неподалеку канала. Канал строили заключенные. В подвале, за заваренной железной дверью, была тюрьма, карцер. Расстреливали тоже там? – спрашиваю я. Глава качает головой: вокруг городка множество удобных для расстрелов мест, овраги, понимаете ли, и говорит, что на массовые захоронения натываются время от времени, случайно – об их местоположении узнать нет никакой возможности, запросы остаются без ответа. Ну и как канал? – спрашиваю я и узнаю, что канал получился плохоньким, зарастает, нужны вложения или – новые заключенные. Это вставляю я. Главе моя вставка не нравится.

– Давайте предположим, – меняя тему, говорит глава, – только предположим, что Лебеженинов жив. Разумеется, не воскрес, не стал ожившим мертвецом, а – жив.

– Как вы себе это представляете? – спрашиваю я.

– Никак. Никак не представляю, но могу предположить, что вместо него похоронили кого-то другого или... Послушайте, сейчас не об этом. Я хочу спросить – что, по вашему мнению, Лебеженинов может предпринять?

– Почему вы меня об этом спрашиваете?

– Вы были консультантом в этой партии, как её, неважно, вы с ним общались.

– У вас тут живут люди, общавшиеся с ним намного теснее, чем я. Например – его вдова.

Спросите её.

– Спрошу, обязательно спрошу, – глава вздыхает. – Мне важно ваше мнение.

– Я видел его несколько раз, пару раз мы пили чай с сушками, такая, знаете, у них была партийная традиция, один раз пили водку...

– Вот-вот!

– Я быстро накачался и заснул. Я обычно пью, чтобы опьянеть, опьянев, засыпаю. Становлюсь совершенным бревном. У меня такой организм.

Глава смотрит на меня недоверчиво, я не оправдываю его ожиданий, это плохое начало, и дальше мы молча идем по коридорам, поднимаемся по скрипучим лестницам, спускаемся. В одном из коридоров нам встречается человек в хорошем костюме. Это, указывает на него глава, Поворотник, Семен Соломонович, инвестор, спонсор, владелец недвижимости, член попечительских советов, хозяин птицефабрики. Поворотник оставшийся до выделенного мне кабинета путь проделывает пятысь. Я собираюсь его спросить – в самом ли деле Лебеженинов был вымогателем? – но речевой поток инвестора и спонсора неостановим:

– Начинать с себя! – говорит Поворотник. – Тут я с вами, Антон Романович, согласен. Совершенно согласен! Вы верно подметили, что случившееся у нас есть результат раскола души, раскола общества и только начав с себя можно найти то новое, что должно стать цементом для всех нас. Обретя это новое, можно свести к нулю непрерывное повторение смерти. Именно наши победы вершат работу Немезиды! Это так поэтично! Это так верно! Это так образно! И, быть может...

Я поворачиваюсь к идущему рядом главе. Я это говорил? Когда? Но, даже если я нес эту чушь, как её услышал Поворотник? Мои слова транслировали по внутренней связи? Их

слышали собравшиеся перед зданием бывшего благородного собрания горожане? Глава ободряюще улыбается. Видимо – да, говорил, видимо – транслировали.

На двери кабинета табличка с номером. Тридцать шесть. Три шестерки? Или получающаяся в сумме девятка, число тех, кто готов ко всему и ничего не боится? У двери, слева, три кресла. В одном из них – большая, крепкая молодая женщина. Она с улыбкой смотрит на меня, постукивает указательным пальцем правой руки по стеклу часов на левой – мол, где вы были, люди не дождались, все ушли. Кабинет узкий, письменный стол у самого забранного решеткой окна, напротив стола два стула, шкаф, вешалка. Когда-то здесь сидел один из руководителей строительства канала. Потерпи, – говорю я себе, – потерпи!

...Крепкая и румяная женщина входит в кабинет решительно, с грохотом двигает стул, шумно ставит на пол сумку. В сумке что-то тяжелое.

– У меня там гантеля, – поясняет женщина. – Небольшая, на полтора кило. Для усиления удара.

У неё – несмотря на то, что в кабинете прохладно, – над верхней губой с намечающимися усиками мелкие капельки пота. Она садится, хрустит пальцами. Пальцы длинные, руки большие, изящные. От женщины идет волна силы, энергии. Голос у неё музыкальный, он играет, заставляет волноваться. Она красива.

– Вы носите с собой гантелю чтобы отбиваться от живых покойников?

– Покойники не бывают живыми. Вы что, поверили в эту сказку? Поверили, приехали нас спасать? Покойников не надо бояться.

– А кого?

– Бояться вообще не надо.

Женщина легко закидывает ногу на ногу. Предупреждает, что завтра у меня не будет отбоя от пришедших за консультацией, что я буду целый день выслушивать чушь и глупости, но людей с настоящими проблемами сюда, в здание городской администрации, не заманишь, принимай тут хоть сам Перлз или Райх. Я спрашиваю – знакома ли она с работами тех, чьи фамилии упомянула?

– Читали, – отвечает она.

– А зачем пришли вы?

– Предупредить, – отвечает она. – Предупредить, а понадобится – защитить. Для вас тут все может кончиться плохо.

– Для меня лично или для всей нашей группы?

– И так и так. Тут ведь какое дело... Я встретила его на автобусной станции.

– Кого «его»?

– Лебеженинова. Живого. Совершенно живого, как мы с вами. И было это сразу после того, как его встретили те трое. Я ездила в область. Вышла из автобуса, – она поправила кофточку, повела плечами и её большие груди упруго колыхнулись, – и его увидела. Он стоял возле стенда с расписанием. В костюме, без галстука. Бледный такой. Вы поймите – она перешла на шепот, – это всё провокация. Никаких улик, подтверждающих, что Лебеженинов брал взятку, никаких доказательств того, что он приставал к детям, ничего, понимаете, ни-че-го нет!

Она шепчет жарко. Большой рот, розовые десны, налет на вертком языке.

– Лебеженинова надо было как-то опорочить. Ведь никто не верит, что он педофил. Даже наши борцы с педофилами, геями и лесбиянками. А вот в то, что Лебеженинов стал живым трупом, что он зомби, да называйте как хотите – в это все поверят.

– Вы серьезно?

– Что «серьезно»?

– Что поверят в такую... В такую...

– Именно, как вы говорите, в «такую» и поверят. К нему никто не придет в его художественную школу. Ты у кого учишься? А, у того, кого похоронили, а потом он вылез из могилы!

Да ни одна мать не отдаст туда своего ребенка. Чтобы оживший покойник учил рисовать. Акварель. Темпера... Нет, на его художественной школе – крест. Жирный крест! – и она удовлетворенно откинулась на спинку стула. – И я знаю, как желавшие опорочить Лебеженинова, провернули эту операцию. Знаю из надежных источников. Знаю кто за этим стоит. И я разговаривала с Лебежениновым. Там, на автостанции. Я...

Она посмотрела на меня, покачала головой.

– Нет, рано. Вы сами разберитесь, а потом я скажу – что у вас получилось правильно, а что – нет. Идет?

Я смотрю в ее большие, выразительные глаза. В них нет ни капли безумия. Она улыбается. От неё исходит аромат здорового, крепкого тела.

– Идет? – повторила она.

– Идет, – сказал я.

Мы вместе мы выходим из кабинета и женщина берет меня под руку. Вернее – притискивает к себе, ведет к выходу из здания администрации.

– Не бойтесь! – жарко шепчет она.

– С чего вы взяли, что я боюсь?

– Чувствую. Не бойтесь!

– Постараюсь. Скажите, а где кладбище, на котором хоронили...

– Инсценировали похороны.

– Хорошо, пусть так. Как до него добраться?

– Хотите посмотреть на могилу? Это можно устроить...

Сонный охранник отпирает тяжелую дверь, на высоком крыльце женщина отпускает мой локоть, чуть подталкивает вперед, сама быстро сбегает по ступеням, после чего – растворяется в темноте...

7

...Я звоню вдове, она путанно объясняет, как дойти до её дома. Чья-то рука или чья-то неясная тень ведет меня по темным улицам, несколько раз, оказавшись на перекрестке, я останавливаюсь, но потом, каждый раз, выбираю верное направление, наконец – оказываюсь на нужной улице, возле нужного дома, вновь звоню вдове, она просит подождать, пока привяжет собаку.

Сквозь щель в заборе видно, как вдова, в белом платье, в накинутой на плечи куртке, спускается по ступеням крыльца. Из темноты сада к ней выбегает огромная собака с коротким, обрубленным хвостом. Собака припадает к ногам хозяйки, отпрыгивает, припадает вновь и начинает хватать голенище резинового сапога. Вдова ловит собаку за ошейник, тянет за дом, потом появляется из темноты, открывает калитку.

Вдова похожа на тощий снопик соломы. У неё кажущиеся жесткими светло-русые волосы. Огромные серые, ничего не выражающие глаза. Большой рот. Пугливая. Тревожная. Голос ровный, слова сливаются, короткие фразы неотделимы друг от друга. Тембр высокий, но иногда басит и тогда чувственные губы чуть растягиваются в невольной улыбке. От неё исходит горький запах. Он смешивается с тяжелым ароматом стоящих на кухонном столе лилий. Лепестки цветков мясисты, пестики эротично изогнуты. Один из цветков кто-то отщипнул, оставив разломаченный на конце стебель, кто-то царапал – то ли ножом, то ли острым ногтем соседние с оторванным цветки.

– Вам нравятся лилии? – спрашивает снопик.

– Меня сегодня уже ими травили. В городской администрации. У вас тут они прямо фирменный знак. На гербе вашего города нет лилий?

– На гербе медведь и три маленьких рыбки, – она выносит банку в прихожую, возвращается, и говорит, так, словно продолжает прерванную беседу.

– Мне нужна помощь. Нам надо уехать. Вы должны помочь. Отец болеет. Сердце. Его заставили написать заключение про Бориса. Поворотник предлагал помощь. Это уже как-то слишком. Понимаю, он хочет заглазить. Считает себя виновным. Я отказалась. Нам нельзя оставаться. Из-за мальчиков. Я за себя не боюсь. Про Бориса говорят страшные вещи. Всё это неправда. Сначала многие поверили, но теперь уже никто не верит. Бориса подставили. Он ни в чем не виноват. Он ни к кому не приставал. Он умер, заявления забрали. Вы не знали?

Я сижу на шатающейся табуретке у кухонного стола. Стол покрыт старой клеенкой, грязен, заставлен посудой, стоящая рядом плита в толстом слое жира. Я беру из тонких, с вздувшимися венами рук вдовы кружку с жидким чаем. Стенки кружки черны, её по-настоящему никогда не мыли, только споласкивали. Не спрашивая, она кладет в кружку две больших ложки сахарного песка. Садится напротив. На её коленях – ссадины. Она поправляет волосы – на её тонком, с трогательными жилками горле – синяки, её душили, душили в порыве страсти.

– Я подумаю, что смогу сделать, – говорю я и втягиваю в себя сладкую, горячую воду. – Мне надо будет связаться с нашим начальником. Руководителем службы экстренной психологической помощи. У него огромные связи.

– Когда вы позвонили, вы сказали, что поможете сразу...

– Да, сказал. Я имел в виду, что могу помочь преодолеть эту ситуацию на психологическом уровне. Хотя, мне и самому в ней надо разобраться. Она, по своему, уникальна.

– Что тут уникального?

– Она уникальна по последствиям. Слух, будто ваш муж... э-э-э... восстал из мертвых, создает...

– Нам бы хотя бы машину, – она меня не слушает. – Родители Бориса не отвечают на мои звонки.

– У вас с ними натянутые отношения?

Её глаза приобретают выражение. В них насмешка. Вдова выпячивает нижнюю губу.

– Мне не нужен психолог. Мне не нужна психологическая помощь. Я в это не верю.

– Не верите? В помощь?

– В психологию. Это ложь. Обман. Бессмысленность. Здесь просто живут плохие люди. Они такими были всегда. И такими умрут.

Снопик оказывается жестким, своевольным. Она смотрит на меня с чувством превосходства, так, словно обладает неким, недоступным мне знанием. Так, будто видит меня насквозь, и вдруг, необъяснимым для меня образом, я начинаю ощущать себя ребенком, выслушивающим нотацию от родителя. Родитель это Змей. Бёрн все слизал у Блаженного Августина, я всегда так думал. Вдова тянет из пачки сигарету, я щелкаю зажигалкой.

– Они одержимы, – она стряхивает пепел в блюдце со следами варенья. – Всем кажется, что их искушает дьявол. Стремится в них проникнуть. Поселиться. Говорят только о врагах, предателях, изменниках. Все подвержены этому бреду.

– Ну, если это заболевание, оно должно быть процессом. Иметь начало, развиваться.

– Не все, что имеет начало, будет развиваться, – она усмехается. – Вас зря сюда послали. Это не лечится. А мне не убежать. Ни денег, ни возможности. Да и некуда. Мы продали квартиру в Москве. Надо же быть такой душой!

– А у Бориса кроме родителей ещё остались родственники?

– Брат, семья брата. Они не общались.

– В бумагах, которые мне дали, Бориса характеризуют, как оппозиционного активиста...

– Слушайте, вы же с ним были знакомы! Я помню вашу фамилию. Борис говорил.

– Ну, мы виделись на семинарах...

– Он – художник, художник-педагог. Хотел учить детей, заниматься делом. Ему за это отомстили. Это раньше Борис хотел перемен. Напевал – «Перемен! Перемен требуют наши сердца!» Ненавижу этот старый фальшивый фильм. Ненавижу! Он сказал – поедem в твой город, будем детей учить. Рисовать, лепить, давай двинем искусство в массы, и тогда, может быть, нормальные люди поймут...

Я чувствую резкую боль. Она пронзает снизу, поднимается выше, заставляет поставить кружку на стол. Я будто бы оказываюсь на раскаленной сковородке. Лоб покрывается испариной, во рту пересыхает.

– Борис взял у Поворотника деньги, – вдова продолжает говорить. – Это было, но деньги должны были пойти на всё тот же ремонт. А бюджетных было не дожидаться... Вам не интересно?

– Интересно? Это не совсем то слово... Понимаете, мне важно... Уф! У вас нет просто воды?

Она забирает кружку, выплескивает её содержимое в забитую посудой раковину, наполняет кружку водой из-под крана. Вода пахнет сероводородом.

Вдова смотрит на меня, ожидая вопросов. И я задаю тот, после которого она должна на меня натравить собаку или просто – выгнать:

– Скажите, а ваш муж, Борис, он, после того как умер, не появлялся?

– Появлялся, – просто и буднично отвечает она.

– Простите, но вы сказали – Борис мёртв, мы говорили про массовый психоз, а теперь... К вам приходил мертвец? – сердце у меня почему-то колотится так, что его удары отдают в ушах.

На губах снопика играет легкая улыбка. Её щёки розовеют.

– Я услышала, как собака скулит от радости. Так она радуется, если только мой папа выходит из дома. Но это был Борис.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.